

© 2010 г. В.Ю. Садово-Румянцев

ЛИЧНОСТНЫЕ ПРАВА В СВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ: ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Рассматривается философское осмысление системы личностных прав человека. В качестве одного из примеров взято право на свободомыслие и атеизм. Атеизм может рассматриваться как способ самоидентификации на основе «свободы-от». Парадокс самоидентификации состоит в том, что между социальной идентичностью и идентичностью антропологической нет достаточно четкого связующего звена. Такое звено должно состоять в развитой культурной идентичности, которая имеет своим основанием автономию. Автономия понимается здесь как гармоничное отношение личности к своей культурной среде.

Ключевые слова: личность, самоидентификация, религиозная культура, светская культура, личностные права, история культуры, патернализм, автономия.

Актуальность темы определяется тем, что проблема свободы самосознания и самоидентифицирования личности в сфере духовной и материальной культуры позволяет моделировать самые различные современные задачи, в том числе – ставить и решать вопросы о таких сложных личностных правах человека, как толерантность, свобода совести, преодоления конфликтов и т.д. Рассмотрим следующий пример: казалось бы, надо резко осудить атеизм за ненаучность, ложность и враждебность человеку; затем создать такие условия, когда человеку будет стыдно признаться, что он не верит в Бога. Действительно, заинтересованные в отстаивании религиозных взглядов хотят представить его как сатанизм и богоборчество, аморализм и преступление. В таком случае атеисты – это люди якобы безнравственные, опасные, подлежащие всяческому осуждению вплоть до преследования в уголовном порядке. Даже современная российская Конституция стыдливо делает уступку такому взгляду, вуалируя право на атеизм в статье 28 [1]. Атеизм в истории культуры уже занял свое место, что позволяет провести в дальнейшем философско-

антропологический анализ этого интересного феномена. В таком случае он может трактоваться как отрицание бога, отличного от человека, то есть в гуманистическом плане. Авторитарная же религия отрицает человека как действительного человека, т.е. субъекта культуры [2]. Покажем, что атеизм и свободомыслие – это не изобретение советских идеологов, которое автоматически рухнет вместе с соответствующим социальным строем, а реализация естественного права личности на свободную самоидентификацию в сфере духовной культуры и автономности личностного сознания. Будем ли мы интерпретировать идентичность как самоидентификацию или как способность к саморазличению, она есть неотъемлемое право человека быть самим собой, искать себя в сфере духовной культуры.

Следует выделить также и исторический аргумент. Краткий экскурс в историю культуры показывает, что уже в Древнем Египте появляются произведения, критикующие религиозный взгляд на мир. Древнейшим из них является созданная в эпоху Среднего Царства «Песнь Арфиста». В Индии антирелигиозная философская школа Чарвака, основанная приблизительно в VI в. до н.э., – это ярко выраженная материалистическая и атеистическая философская школа. Часто исследователи относят к атеистическому направлению индийскую философскую систему санкхья. Отрицание бога, этого единого творца всего сущего, также присутствует в джайнизме и буддизме. Даже сам буддизм, эта мировая религия, может быть названа некоторыми мыслителями атеизмом, или религией без Бога [3]. Европейский атеизм уходит своими корнями в досократовскую греческую философию, но он не выделяется в виде отдельного течения вплоть до конца Просвещения. Атомисты, скажем, Демокрит, пытались описать мир лишь материалистическим способом, не принимая во внимание духовность и мистицизм. Эпикур же оспаривал множество религиозных доктрин, в том числе, жизнь после смерти и даже божественную сущность. Он полагал, что душа состоит из атомов, она материальна и смертна. Хотя эпикуреизм не исключает существование богов, философ верил, что, даже если боги и существуют, то человек и человечество для них безразличны [4]. Также древнегреческий философ Сократ в «Апологиях» Ксенофонта и Платона обвинялся в атеизме за то, что внушал гражданам неуверенность в богах, которых они чтили [5]. За свои идеи в последующем философ был приговорен к смерти. Отметим, что римский поэт Лукреций в поэ-

ме «О природе вещей» пишет, что если боги и существуют, то им безразлично человечество, они не влияют на окружающий мир [6]. Очевидно, он был сторонником Эпикура, верил, что человечество не должно бояться смерти и сверхъестественного.

Значение слова «атеист» на протяжении всей классической античности претерпевало изменения. Зачастую ранних христиан также называли «атеистами». Причем лишь за то, что они не принимали, не верили в языческих богов. Христиан преследовали и подвергали казни за отрицание официальных богов и особенно культа Императора Римской Империи. Следование атеистическим взглядам было опасным и редким явлением в средневековой Европе на протяжении всех Средних веков, когда доминировал интерес к религии, теологии и всему, что с ними связано. Эпоха Возрождения расширила границы свободомыслия и скептических исследований в области религиозных воззрений. В эпоху Возрождения и период Реформации религиозные противостояния достигли своей кульминации. Так, на развитие религиозных идей особое влияние оказали распространившиеся новые религиозные братства, секты, такие, как кальвинисты. Наступило время межконфессионального соперничества, и это позволило все больше расширять границы богословской и философской теории, а еще позднее было использовано для того чтобы выдвинуть скептическое мировоззрения. Наконец, в Новое время возник атеизм как таковой.

В XX-XXI вв. свободомыслие и атеистические мысли нашли свое признание в философии экзистенциализма, объективизма, светского гуманизма, онтологического нигилизма, логического позитивизма и аналитической философии, классического и советского марксизма, феминизма и неофеминизма. Логический позитивизм и сциентизм прокладывали себе дорогу и путь для неопозитивизма, аналитической философии, а также структурализма и натурализма. Неопозитивизм и аналитическая философия решительно отказались от классического рационализма и метафизики в пользу строгого эмпиризма (верификационизма) и эпистемологического номинализма. Таким образом, исторический аргумент показывает, что атеизм всегда выражал высоко развитое самосознание свободного человека или человека, стремящегося к свободе. Влияние атеизма на нравственность и правовое сознание противоречиво. Субъект, совершающий правонарушение считает, что если Бога нет (нет высшей само-существующей идеальной Силы способной наказывать), то

единственная опасность в том, что его может настичь человеческое правосудие, которое не идеально. И вообще, какое право имеет человек осуждать другого человека, в обществе с признанным равноправием? Так, надеясь на свои личностные качества данный субъект, считает, что человеческое правосудие не сможет его настичь и совершает преступления. Данная проблема существует во многих государствах. Однако достаточен ли этот аргумент для критики атеизма у зрелой личности? Кстати, атеистически мыслящие философы считали, что религия необходима для масс, не способных к самоопределению и самоконтролю.

Религия не есть результат невежества или, тем более, плод преднамеренного обмана (хотя вовсе не исключает ни того, ни другого). Она является необходимым продуктом общественного строя, в котором человек находится в рабской зависимости от господствующих над ним сил, общественных отношений и отчужденной культуры. «...Всякая религия является не чем иным, – отмечал Ф. Энгельс, – как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, – отражением, в котором земные силы принимают форму неземных» [7]. Религия имеет реальные основания, бытийные «корни», а тем самым выявляются главные детерминанты ее появления, существования и развития. Выяснение этих обстоятельств уже дало возможность не только для правильного понимания и объяснения происхождения религии, но и позволило дать реальную критику религии как идеологии. Для того чтобы религия прекратила свое существование, совершенно недостаточно лишь бороться с невежеством. Необходимо уничтожить земные основания религии. В этом отношении марксизм делает недостаточно верный прогноз, не учитывая культурную обусловленность религии, автономность и противоречивость различных форм и тенденций ее развития. Даже будучи заблуждением в гносеологическом аспекте, религия выполняет важные социокультурные функции, удовлетворяет экзистенциальные потребности человека. В таком случае человек имеет право на заблуждение независимо от того, является ли оно религиозным или атеистическим, принадлежит ли оно той или иной религии. В методологическом отношении проблема права на заблуждение, на наш взгляд, связана с прогрессом общества в области духовной культуры и развитием личностной автономии и связанной с нею автономностью личностно-индивидуального сознания.

ния. Основанием для решения поставленного вопроса («Имеет ли человек право на заблуждение?») является переход в философско-антропологическое измерение, в котором неотъемлемые права и свободы личности раскрываются в аспекте автономии. Автономия – это субъект, который свободно задающий себе свой собственный закон [8], самоопределяется со своей идентичностью. Смысл такого понимания автономии состоит в том, чтобы объединить свободу и закон как внутренние собственные характеристики человека в плане его разумности. Такое понимание автономии соответствует кантовской трактовке этого понятия в духе его «коперниканского переворота». Среди системы понятий «самостоятельность», «независимость», «автономия», ключевым, конечно, является понятие «автономия», которое в философской традиции связывается с философской антропологией И. Канта [9]. Таким образом, право на заблуждение выражает истину абсолютной свободы в горизонте феноменологической парадигмы сознания. Только испытывая эту истину, человек переживает (а не просто рационально понимает) заблуждение как свое собственное бытие; находит в своем индивидуализирующем праксисе реальную свободу как меру произвола, свою границу как самоограничение себя в сфере самозаконного поведения. Совесть в философско-антропологическом измерении есть преступление. Человек имеет святое право на заблуждение и самообман, ведущее к истине собственного бытия как решения. Но он не имеет права лгать и обманывать других, манипулировать ими.

Наряду с риском веры существует также риск неверия и атеизма. Сможет ли человек удержаться в своем мире и быть мудрым законодателем или станет деспотом, тираном себя и других. Однако недоверие и подозрительность по отношению к человеку и его природе не должны быть чрезмерными. Идя путем патернализма, мы возвращаем зрелых личностей в детское состояние. Поэтому существуют во всем мире и в России атеисты и свободомыслящие. На наш взгляд, большего уважения заслуживают те атеисты, которые продолжают быть атеистами тогда, когда им стало трудно высказывать свои взгляды, чем тех, которые из «научных атеистов» быстро обратились в священников и стали апологетами христианства. Каждый раз, когда власть меняется, такие люди меняют свои убеждения. Каковы же пределы смены власти человека над самим собой в своем духовном и телесном мире [10]? Интерес к теме самоидентификации состоит в том, чтобы выйти на очень серьезную проблему взаимоотношения лич-

ных и личностных прав в ее парадоксологическом варианте. Личные права – это общественные права гражданина на свободу совести, автономию, жизнь, безопасность. Личностные права в отличие от личных основаны на возможности распоряжаться своим телом: право на смерть, изменение пола, инверсию гендерных ролей, аборт, а в перспективе – на клонирование. В более широком аспекте – эти «соматические» права можно назвать антропологическими, а их суть определить как безграничное вмешательство в человеческую природу: право на любую самоидентификацию на предельном уровне, т.е. экспериментирование жизнью и смертью, модернизацией и реставрацией своего Я, его фундаментальной реконструкцией и т. д. Имеет ли права эмбрион? В «естественном праве» жизнь начинается с рождения. Современное право ведет отсчет с момента оплодотворения. Поэтому вмешательство в процесс развития эмбриона – это прежде всего нарушение прав матери, но одновременно и прав будущего ребенка. Однако это явный парадокс, поскольку мы не можем идентифицировать эмбрион как человека.

Могут быть весьма эмоциональные пристрастные суждения по этому поводу в связи с абортами. Якобы мы горюем, когда на войне убивают наших детей, но мы же хладнокровно способны убивать их сами. Многие из убитых младенцев были бы гениями, обеспечившими расцвет нашей нации, но женщин-убийц, женщин-палачей интересуют только свои личные интересы, свое мелкое счастье. «Цена нашего счастья – смерть ни в чем не повинных малюток. Слишком дорогой ценой люди добиваются такого счастья. И так далее и тому подобная риторика, которая имеет традиционные христианские основания» [11]. Однако трезвый взгляд на мир состоит в том, что в светской культуре есть права матери на свое тело. Возможна такая же страстная речь в защиту прав женщины на свободу распоряжаться своим телом. В то же время рациональный подход обнаруживает ряд непростых философских оснований разрешения проблемы начала человеческой жизни и ее преждевременного конца, конфликт прав женщины и ребенка, женщины и мужчины, личности и общества. Патерналистская концепция однозначно требует отказа от абортов. Однако гуманистические варианты мировоззрения показывают, что встают новые неразрешимые вопросы об автономии личности, ее свободе, благополучии, связях с другими людьми, о будущем нежеланного ребенка и т.д. Самоидентификация матери как убийцы – это слишком жестоко и неприем-

лемо в случае таких простых вопросов: «Драма это или трагедия?», «Какое зло будет меньшим?» и т.д. [12].

Таким образом, самосознание личности в светской культуре отказывается от религиозной традиции, решаясь на риск принятия собственных решений. Человек становится собственником своей души и своего тела. Отсюда все более терпимое отношение общества к суициду и эвтаназии. Очевидно также, что человек сохраняет право на свое тело и после смерти, но не очень ясно, в каких пределах. Неясно, например, возможно ли обнародование после смерти человека интимных подробностей его жизни. Отдельный вопрос в этом же направлении состоит в том, как относиться к смене индивидом гендерной идентичности. И еще одна проблема: все более острым является проблема идентичности наркомана. Между социальной идентичностью и идентичностью антропологической нет достаточно четкого связующего звена, которое (наша гипотеза) должно состоять в развитой культурной идентичности, имеющей своим основанием автономию. Автономия понимается здесь как такое гармоничное отношение личности к своей культурной среде, когда личность конструирует свое индивидуальное бытие таким образом, что исчезает различие между истиной и заблуждением. Онтологичность такого отношения означает, что заблуждения становятся ценностью. Скажем ценность религии состоит в том, что она выявляет значимость традиции, трактует зависимость от традиции не как рабство, а в качестве позитивной зависимости, «свободы-для». Атеизм же может рассматриваться в качестве способа самоидентификации на основе «свободы-от».

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации. М., 2008.
2. *Фромм Э.* Искусство любить. М., 1991.
3. *Freke T.* Zen wisdom: Daily teachings from the Zen masters. London, 1997.
4. *Гончарова Т.В.* Эпикур. М., 2010.
5. Ксенофонт. Апология Сократа и другие сочинения. М., 2009; Платон. Апология Сократа. Критон. Ион. Протагор. М., 1999.
6. *Лукреций Т.К.* О природе вещей. М., 2006.

7. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Сочинения. Т. 20.
8. *Адорно Т.В.* Проблемы философии морали. М., 2000.; *Taylor R.S.* Kantian personal autonomy // Political theory. Vol. 33. № 5. October. 2005.
9. *Ковлер А.И.* Антропология права. М., 2002.
10. *Этика: Инновационный проект.* Армавир, 2009.
11. *Блэкберн С.* Этика: краткое введение. М., 2007.

*Армавирский православно-социальный
институт*

10 июня 2010 г.
